

Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского

© Г. С. БАРАНКОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с компиляторской деятельностью Кирилла Туровского и его ориентацией на византийские и южнославянские образцы. Анализируются методы заимствования и переработки Кириллом византийского и древнеболгарского книжного наследия, а также выявляются оригинальные черты его повествовательных и риторических произведений, составившие ему славу русского Златоуста.

Ключевые слова: Компиляция, заимствование, авторский стиль, Кирилл Туровский.

The questions related to the activity of the compilation of Cyril and his preference for the Byzantine and South Slavic samples are examined. The Cyril's methods of compilation and processing for the Byzantine and Old Bulgarian book heritage are analyzed. Also original features of his narrative and rhetorical works, making glory of Russian Chrysostom, come to light.

Key words: Compilation, adoption, author's style, Cyril of Turov.

Вопрос о соотношении заимствованного и оригинального начал в творчестве Кирилла Туровского, выдающегося древнерусского писателя XII века, не раз обсуждался в работах, посвященных его сочинениям. Высказывались разные точки зрения по этому поводу: от признания того, что оно компилятивно в своей основе, до утверждения невозможности идентификации авторского стиля Туровского. В.П. Виноградов, исследователь уставных чтений, отмечал, что «компилятивность характеризует проповедническое творчество Кирилла Туровского в гораздо

большей степени, чем это принято учитывать» [1. С. 99]. В то же время ученый-богослов видел оригинальность его творений в том, что «вращаясь в круге идей своего прототипа, Кирилл берет их только в их самом общем виде, давая им собственное самостоятельное развитие и особый оттенок: заимствуя форму или букву, он вдохновляет их собственными идеями» [Там же. С. 115].

Наблюдения над произведениями Кирилла с использованием количественного анализа привели И.В. Полянскую к выводу о том, что его авторский стиль «показывает высокую неоднородность» [2. С. 100]. Однако большинство исследователей признают оригинальность творчества Туровского епископа. В этом отношении более показательными признаны нарративные произведения, стиль которых выявляется значительно четче, чем в Словах. Интересна, хотя и весьма спорна градация произведений Туровского, данная митрополитом Макарием: «В проповедях святит. Кирилла преобладает воображение и духовная поэзия, в статьях, обращенных к инокам, виднее мысль, под сильным, однако ж, влиянием воображения и фантазии, молитвы и канон проникнуты живым христианским чувством. По самому изложению в первых более витиеватости, искусственности, риторизма, во вторых все эти недостатки заметно ослабевают, третьи почти везде запечатлены естественностью и простотою. И кажется, не будет несправедливым, если на высшем месте по достоинству поставим молитвы свят. Кирилла, на среднем статьи его к инокам и на низшем — его церковные поучения (то есть Слова. — *Г.Б.*)» [3. С. 67]. Однако несомненно, что именно произведения, поставленные Макарием на низшую ступень, были особенно популярны и любимы в древнерусской книжности. Они снискали Кириллу славу «второго Златоуста» и очень часто помещались рядом с его творениями.

При этом почти все источники его произведений, как повествовательных («Притчи о душе и теле» — далее Притча, «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» — далее Повесть, «Сказании о черноризском чине» — далее Сказание), так и риторических (в их числе восемь бесспорно принадлежащих ему Слов) выявлены исследователями в большей или меньшей степени [1, 4, 5, 6 и др.]. Ученые отмечали зависимость того или иного произведения писателя от византийских, реже южнославянских текстов, но почти не предпринимали попыток сопоставительного анализа нарративных и риторических произведений с целью выявления особенностей авторского стиля этого писателя и общих приемов его компиляции. Следует отметить, что за редким исключением Кирилл пользуется готовым сюжетом: для двух его повествовательных произведений — Притчи и Повести — это притчи из Пролога, для большинства Слов — евангельские сюжеты, дополненные и обработанные им в духе переводных византийских источников.

Степень следования этим образцам не раз подчеркивается самим автором как в заголовках, так и в текстах: «Кирила Мниха слово на святую пасху въ свѣтоносный день въскресения Христова от пророческихъ сказаний» (Слово на Пасху); «Сице же мнѣ о сихъ сказавшю, не от умышляя, но от святыхъ книгъ, да нѣсть се мое слово но *бесѣда*, нѣсмь бо учитель якоже они церковнии священни мужи» (Притча. ГИМ. Собр. Чудовское. № 20. Л. 294в); «Не бо мы сеи повести творцы есмы, но от богодухновенныхъ взирающе писании» (Повесть. ГИМ. Собр. Синодальное. № 935. Л. 78) и т.п. Говоря о своем сочинении как о беседе, Кирилл делает акцент на толкованиях, которые он добавляет в тексты и которые составляют главную цель его повествования. Таким образом, статус заимствований только повышает ценность произведений в глазах читателей независимо от их жанровой принадлежности.

Следует отметить прекрасное знание Кириллом византийского и южнославянского книжного наследия, использование в его творчестве сочинений Тита Бострского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Епифания Кипрского, Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского и других авторов. Вероятнее всего, произведения византийских писателей использовались им не в греческих оригиналах, а в их южнославянских или древнерусских переводах. В то же время сам Кирилл никогда непосредственно не включал отрывки из этих произведений в свои Слова, а лишь умело перерабатывал их в соответствии со своим замыслом, создавая не мозаичную картину, а самостоятельные высокохудожественные и поэтические произведения. Поэтому его ораторские сочинения не производят впечатления разнородных по своему стилю и поэтическим особенностям.

Это достигалось за счет ряда приемов, используемых в его произведениях, среди которых можно назвать следующие: умелый выбор формы толкования в соответствии с содержанием произведения, обилие толкований и их расширенный характер по сравнению с источником; использование в ряде случаев диалогической формы, придающей большую выразительность повествованию; насыщенность разнообразными деталями, отсутствующими в первоисточнике; использование нравоучительных сентенций, выраженных, как правило, в иносказательной форме и искусно вплетенных в текст повествования; наконец, мастерское использование выразительных средств языка (синонимов, стилистических фигур и т.п.).

В Притче повествуется, как хозяин виноградника нанял для его охраны слепца и хромца, рассчитывая на то, что ни тот, ни другой не смогут обокрасть его сад: первый — по причине слепоты, а второй — из-за невозможности ходить по саду. Хромец и слепец, почувствовав благоухание плодов, решили оборвать их и обмануть хозяина. Хромец сел на слепца, и таким образом войдя в сад, они обокрали его. Хозяин по

возвращении обнаружил, что плоды его сада расхищены. Призвав на суд слепца и хромца и допросив их поодиночке, он выяснил, как было дело, судил провинившихся и жестоко их наказал. Кирилл значительно расширил толкования проложной притчи, широко используя символично-аллегорические образы для экзегезы: слепец – душа, хромец – тело, виноградник – это одновременно символ и рая, и алтаря, и всего тварного мира, хозяин виноградника – Бог и т.п.

Для Притчи, основанной на определении соотношения телесного и духовного начал в человеке, Кирилл в качестве образца избрал произведение, которые применяли подобные приемы для толкования библейских текстов.

Он опирался на комментарии ко 2 главе книги Бытие. Используемым источником в этом случае являлся «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, в той его части, которая представляла собой перевод из «Шестоднева» Севериана Гавальского. Толкования Кирилла оригинальны и подчинены общему замыслу произведения – показать дуальность природы человека. Это позволило Кириллу кратко обрисовать картину мира, хозяином которого должен стать человек, проследить историю его грехопадения и пути спасения. Занимательная сюжетная основа, заимствованная из проложной Притчи о душе и теле, оказалась у Кирилла тесно связанной с библейской историей создания человека. Греховность человеческой природы может привести к прегрешениям и заблуждениям священнослужителей. Как Адам был изгнан из рая за то, что «преже освящения на святая дерзнувь», как слепец и хромец были наказаны за то, что ослушались своего хозяина, так и церковник, ради высокого сана и земной славы вопреки Божьему закону взошедший на епископский стол, будет изгнан с него. Прием экзегезы позволил Кириллу перейти к обличению священнослужителей, не достойных высокого сана, и, очевидно, в первую очередь не названного по имени епископа Феодора, не по праву занявшего престол ростовского епископа. Таким образом, Кирилл далеко отошел от основы проложной Притчи, придав ей не только богословско-философское, но и церковно-политическое звучание.

Сюжет Повести основан на проложной Притче из «Повести о Варлааме и Иоасафе» с существенными добавлениями и толкованиями. Если в Притче царь выступает простым язычником, то в Повести царь – это ум, владеющий всем телом и повелевающий своими подданными – чувствами. Обладая рядом достоинств, он имел и существенный недостаток – не любил ратного оружия. Для Повести характерны более пространственные, чем в соответствующей проложной Притче, толкования. Писатель вводит новые антропологические аллегории, которых нет в его источнике. Г. Подскальски обратил внимание на некоторое сходство этого фрагмента Повести с «Посланием митрополита Никифора

Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств» [7. С. 252], не конкретизируя его. Следует отметить, что обращение к антропологической проблематике древнерусских авторов может быть связано с возросшим интересом к ней в византийском обществе XI века. Однако ее разработка у Никифора и Кирилла имеет существенные отличия. Если в Послании Никифор перечисляет три составные части души, а затем переходит к характеристике органов чувств и испытывает пять чувств князя, находя их совершенными, направленными на то, чтобы творить добро (исключение составляет слух, через который в князя входят клеветнические наветы), то Кирилл подчеркивает плотский характер чувств, приводящих к духовной гибели человека. Интерес к аллегорическому толкованию антропологической проблематики отразился в «Притче о теле человеке», представленной в Златоустах и сборниках (в Златоусте особого, пространного вида она названа «Словом о уставе тела человека»). Однако если сравнить ее аллегорические образы с соответствующими им у Кирилла, то можно увидеть, насколько более сложными и оригинальными являются они у Туровского епископа. У Кирилла человеческое тело — это град, в котором обитают люди — органы чувств («чувственные уды») — «слух, весть, обоняние, вкушение, осязание и нижняя теплоты свирепство». Царь — это ум, которому служат эти люди, принося ему только телесные удовольствия. Мужеумная дочь царя — это разумная душа. Она может быть черна от грехов и в то же время добра вследствие покаяния. Советники и друзья царя — душевные помыслы и житейские мысли, которые не дают царю-уму задуматься о скоротечности жизни и ее назначении. В «Притче об уставе человеческого тела» речь идет о смерти человека и разрушении его тела, при этом умирающее тело — это опустевшая земля, море великое — утроба человеческая, царь, как и у Кирилла, — это ум, его рабы и рабыни — руки и ноги, царица, исходящая от престола, — душа, два померкших светила — это очи, запустевшие «пути великие» — гортань и проходы, жернова мелющие — зубы. «Скоты», окружающие царя, — лукавые помыслы, блуд и похоти (у Кирилла, как мы видели выше, это советники и друзья). Однако автор «Притчи об уставе человеческого тела» ограничивается лишь аллегорическим толкованием частей человеческого тела. Для Туровского же аллегории лишь первая ступень толкования, которые он затем расширяет за счет богословских и назидательных рассуждений и которые переносит далее вглубь на жизнь монахов: игумен — голова, монахи — уды телесные, находящиеся под одной главой, связанные с ней духовными жилами.

В «Слове на неделю Фомину», используя «Слово Григория Богослова на Новую неделю» [1. С. 109—113], Кирилл не только насыщает разнообразными деталями скупую картину весеннего пробуждения природы, данную Григорием, но и сосредоточивает основное внимание на

противопоставлении мира физического духовному. В качестве примера можно привести аллегорическое изображение монашества, к которому автор многократно обращается в своих произведениях, как трудолюбивой пчелы, «живущей в пустынях самокормлею» и доставляющей всем людям «сладость».

В «Слове о расслабленном», сюжетную основу которого составляет евангельское чтение (Иоанн 5:1–15), Кирилл использует, как установил еще В.П. Виноградов, «Слово Иоанна Златоустаго на Преполовление» («О еже не судити») и «Слово Иоанна Златоустаго о расслабленном в 3 неделю по пасце» («Человеколюбец преблагий Бог») [1. С. 136–140]. Комбинация этих двух произведений, из которых Кирилл заимствует, с одной стороны, композиционные особенности, с другой – толкование евангельского сюжета, показывает принципы компиляторской и собственно авторской деятельности писателя. Само Слово Кирилла построено по схеме «Слова о расслабленном Иоанна Златоуста»: оно имеет вступление, более расширенное, чем у Иоанна за счет заимствования из «Слова на Преполовление», затем следует изложение евангельского сюжета, который у Кирилла более пространный по сравнению как с евангельским, так и с Иоанновым. Он содержит рассказ о появлении Иисуса в Иерусалиме в день Преполовления, при этом добавления, сделанные Кириллом, существенны для понимания сущности этого праздника и отсутствуют в обоих Словах Иоанна, ср.: «Вниде Иисусъ въ Иерусалимъ да не мнитсѣ противникъ закону, купно же егда знамена многа сотворить и темъ беззлобнаго народа к себѣ привлечеть, в праздницѣ бо томъ обычаи бѣ собирагисѣ многимъ» («Слово Иоанна Златоуста о расслабленном». ГИМ. Собр. Уварова. № 111. Л. 263) – «Възиде Иисусъ въ Иерусалимъ, в преполовление жидовска праздника. Егда же множество народа от всѣхъ градъ по обычаю събирахутьсѣ въ Иерусалимъ, тѣгда и Господь приде, всячьскы угажая своимъ рабомъ и неистовство противныхъ обличая июдѣи; поистинѣ бо приде ища заблужьшихъ и спастъ погыбьшихъ. Многа бо по всей Палестинѣ створи чудеса и не въровахуть ему, нъ противу благодати хулять, лестьца его и блазнителя нарицающе» («Слово Кирилла Туровского о расслабленном». РНБ. Ф. п. I. 39. Л. 16 об.).

Сохраняя далее основную канву повествования Иоанна, Кирилл рассказывает о ветхозаветном обычае, связанном с Овчей купелью. Ее раз в год оживлял своим появлением ангел, и первый искупавшийся в ней по возмущении воды ангелом, получал исцеление от всех болезней. И у Златоуста, и у Кирилла Овча купель олицетворяет образ крещения и исцеление от всех недугов, преимущественно душевных, ср.: «Тако и о нас крещения вода приимши духовную благодать душевныя исцѣляти недуги. Аще кто слѣпъ есть душевныма очима, аще ли хромъ и недвижимъ на добрыя дѣтели, или сух нечаяниемъ, то всѣхъ вода крещения исцѣляше» («Слово Иоанна Златоуста о расслабленном». ГИМ.

Собр. Уварова. № 111. Л. 263 об.) — «Аще кто слѣпъ есть разумомъ, ли хром невѣриемъ, ли сухъ мнозѣхъ безаконии отчаяниемъ, ли раслаблен еретичскимъ учениемъ — всѣхъ вода крещения съдрави творить. («Слово Кирилла Туровского о расслабленном». РНБ. Ф. п. I. 39. Л. 17). Однако Кирилл делает акцент на противопоставлении Овчей купели и купели крещения, подчеркивая тем самым спасительную роль христианской купели и вводя мотив, которого нет у Иоанна Златоуста: «Она купѣль многы приимающи, а единого ицѣляше, и тоже не всегда, нъ единою лѣта, а крещения купѣль по вся дъни многы оживляющи створить, к крещению, бо аще и вся земля придуть человекъци, не умалиться Божия благодать всѣмъ даючи ицѣление от грѣховныхъ недугъ» (Там же. Л. 17 об.), то есть подчеркивается всеобщий универсальный характер христианского крещения и благодати.

Следующий далее диалог расслабленного с Христом исполнен внутреннего драматизма и несравненно богаче по своей богословской и общечеловеческой направленности соответствующего краткого диалога в Слове Иоанна Златоуста. В его Слове расслабленный предстает кротким, терпеливым и не жалующимся на свою судьбу. На вопрос Христа, хочет ли он быть здоров, он просто отвечал: «Господи, хотѣлъ быхъ, но не имѣю человекъ, вложашаго мя в купѣль, но ничтоже хулна не отвѣща» (ГИМ. Собр. Уварова. № 111. Л. 264).

В Слове Кирилла расслабленный подробно описывает Христу свое бедственное положение, он живописует свои страдания, свое одиночество и сетует на то, что нет на свете человека, который мог бы облегчить его участь. Но если Иоанн подчеркивает кротость расслабленного, то в изображении Кирилла это скорее отчаявшийся человек, утративший веру в спасение. С помощью разнообразных деталей, которых нет ни в евангельском сюжете, ни у Иоанна Златоуста, Кирилл создает образ больного, тело которого страдает от болезни, а душа — от насмешек и глумлений окружающих. «Мучимъ же есмь акы въ адѣ бестудиемъ поносящихъ ми, смѣхъ бо есмь унотамъ, укаряющимся мною, и старцемъ же лежю притѣча къ наказанию...От всѣхъ бо пльвание слинъ покрываетъ мя» (РНБ. Ф. п. I. 39. Л. 18—18 об.). Он мертвый в живых и живой в мертвых. Этот образ становится ясным, если обратиться к Притче Туровского о душе и теле: «Кто суть мъртвии — вси языци, не бывшии под божиимъ закономъ ни приимши крещения», «живыя же крестьяны нарицаеть» (ГИМ. Собр. Чудовское. № 20. Л. 293 г). Пища, которую расслабленный, мучимый голодом и жаждой, желает, но не может принимать из-за своей немощи, не просто еда, это та пища, о которой говорится и в Притче: «пища не брашно едино речеться но слово божие, имже питаеться тварь (ГИМ. Собр. Чудовское. № 20. Л. 288 в). Все это отличает сочинение Кирилла от соответствующих Слов Иоанна Златоуста и объединяет с другими его повествовательными произведениями.

Кроме того в монолог расслабленного Кирилл вплетает ветхозаветную историю грехопадения человека и тем самым проводит один из излюбленных своих мотивов, отмечаемых в его Словах — противопоставление Ветхого завета Новому Закону: «... яко злѣ расточихъ даное ми в раи богатство, и змьемъ въ едемѣ украдена ми бысть чистоты одежа, и сле лежю нагъ божия покрова. Не имаемъ человекѣка, иже бы не гнушася послужил ми» (РНБ. Ф. п. I.39. Л. 19), — восклицает он. Ни ветхозаветные праотцы и пророки, ни Авраам с Иовом, ни Енох с Илией, ни Соломон и даже Моисей не могут помочь ему войти в купель.

В ответ на эти слова расслабленного Христос произносит речь, которая является гимном созданному Богом человеку: «Азь быхъ человекъ, да Богомъ человекѣка сътворю... И кто инъ мене вѣрнѣи служаи тобѣ?» (Там же. Л. 19 об.). Далее Христос перечисляет все созданное Богом на потребу человеку: «Небо и земля тобѣ служита, ...тебе ради солнце свѣтомъ и теплою служить и луна со звѣздами ночь обѣляетъ, тебе дѣля облаци дъждьмъ землю напаяють, и земля всяку траву сѣмениту и дрѣва плодовая на твою службу въздращаетъ. Тебе ради рѣкы рыбы носять и пустыни звѣри питаеть» (Там же. Л. 20).

Превосходство Нового завета над Ветхим усиливается у Кирилла по сравнению с соответствующими сочинениями Иоанна Златоуста, где лишь проводится параллель между Овчей купелью и крещением, введением новых аллегорий. Христос предстает у Кирилла как «животное» озеро, олицетворяющее Новый завет, изливающее на расслабленного животворящую воду, тогда как расслабленный «жадает» всего лишь Овчей купели, «помалѣ прѣсѣхнути хотяща». Кирилл подчеркивает, что Овча купель исцеляет лишь одного страждущего, купель крещения — всех, приходящих к ней. К образам двух заветов Кирилл еще раз обращается в конце Слова, давая еще одну, новую по сравнению со Словами Златоуста аллегория: изображение церкви как гостиницы, а Ветхого и Нового завета как двух сребреников, данных священникам за спасение грешников по возвращении Спасителя. В этом образе можно, с одной стороны, видеть переключку с «Притчей о душе и теле», когда хозяин по возвращении обещает слепцу и хромцу дать достойную мзду за примерную службу. С другой стороны, введение этого образа позволяет перейти к теме, волновавшей Кирилла во всех его произведениях, — обличению священнослужителей, согрешающих «в разуме»: «По въсприятии же всякого священнаго сана горе сѣгрѣшающому, реку же по мнишьствѣ, и по иерѣиствѣ, и в самомъ епискупствѣ не боящимся Бога» (Там же. Л. 22 об.).

Не менее выразителен диалог расслабленного и Христа в изображении Кирилла по своим стилистическим и поэтическим особенностям. В этом произведении Кирилл мастерски использует форму диалога, что придает его сочинению по сравнению с одноименным Словом Иоанна

Златоуста драматизм и динамизм повествования. Диалоги у Кирилла значительно расширены, ритмически организованы. Однако особой выразительности достиг писатель в речи расслабленного. Очевидно, не случайно поэтому, что существует особая редакция этого Слова Кирилла, выявленная И.П. Ереминым, которая представляет собой по сути монолог расслабленного. Текст этой редакции сразу начинается с рассказа о лежащем на ложе больном и его жалобе, обращенной к Христу. В речи расслабленного в ней сокращено по сравнению с полной редакцией только упоминание о пророках и праотцах. Слово заканчивается кратким ответом Христа и сообщением об исцелении страждущего. Нет здесь ни вступления, ни монолога Христа во славу созданного Богом человека, ни обличительной речи расслабленного, направленной против иудеев, осудивших исцеление в субботу. Отсутствует также заключительная похвала Христу – целителю людских греховных недугов.

Стилистические отличия Слов Кирилла от Слов Иоанна Златоуста заключаются в широком применении приемов амплификации в разных ее проявлениях. Это и повторы начальной части предложений «Тебе ради»: «Тебе ради горняго скипетры оставль, Тебе ради бесплотьнь сы, Тебе ради невидим сы. Тебе ради солнце светомъ и теплотою служить, Тебе ради облаци дождьмъ землю напояють, Тебе ради рыбы реки носять...», и использование антитезы, синонимов, повышений разного рода (т.е. расположение выражений, относящихся к одному предмету по принципу нарастания): «Се въ тобѣ всего Адама мозоли исцѣлихъ, и падыша преступлениемъ възведох, и всеродную того клятву ныня отяхъ, омыхъ сквърну всякого прѣгрѣшения крещениемъ, ... обязахъ раны уязвнаго бѣсовскими разбойникы» (Там же. Л. 22) и т.д.

Следует обратить внимание на одну характерную особенность авторского стиля писателя: к каждому своему толкованию Кирилл присоединяет библейскую или евангельскую цитату, иногда сразу несколько. Такой прием широко используется Кириллом и в Притче, и в Повести, насыщенной аллегорическими толкованиями, менее в Словах: олицетворение монашеского чина в образе мужа в худом рубище сопровождается евангельской цитатой (Мф. 11:8), аллегорическое изображение Христа как мужа, стоящего на высоком камне, сопровождается библейской цитатой (Иер. 17:9) и т.д. В «Слове о расслабленном» удачно вставленная Кириллом цитата из 37 псалма подчеркивает греховную суть расслабленного: «Богови ся молю и не послушает мене, зане превъзидоша безакония моя главу мою» (Там же. Л. 17 об.).

Перечисленные особенности показывают, что оригинальное начало заметно преобладает в творчестве Кирилла Туровского. Ему свойственно в значительно большей степени по сравнению с использованными источниками представлять происходящее в форме иносказания, аллегории, многослойного образа. Таковы, например, образы слепца и хромца

в Притче о душе и теле. Первый уровень толкований: *слепец* – душа, *хромец* – тело, им дана власть «на всех внешних», в то же время душе принадлежит главенствующая роль, она руководит телом, ибо «тѣло безъ душа хромота есть» (ГИМ. Собр. Чудовское. № 20. Л. 289 а). Второй уровень толкования: *слепец* олицетворяет собой священнослужителя, *хромец* – мирянина. Как хромец и слепец приставлены у врат «стреши внутренних», так приставлены патриархи, архиепископы, архимандриты между церковью и алтарем «стеречь святых тайн от врагов Христовых», то есть от еретиков. Это позволяет Кириллу иносказательно осудить епископа Феодора, выведенного в образе слепца, и возможно, самого Андрея Боголюбского, представленного как хромца. В то же время «хромота» тела может быть связана с неправильным соотношением в человеке духовного и телесного. Отсюда иная семантика этих образов в других произведениях Кирилла. В Сказании слепой и хромой (к ним добавлен короставый) – это люди, подверженные телесным порокам и грехам: «короставъ бивъ творениемъ грѣховъ, хромъ же прилежаниемъ житиискихъ вещей, слѣпъ же неплодствомъ жива, о чревѣ токмо пекася» (ГИМ. Собр. Синодальное № 132. Л. 604 в). Название, содержащееся в нем: «да не будещи короставъ, и хромъ, и слѣпъ, и раненъ, си бо вси повержени бывають порока дѣля псомъ и птицамъ на снѣдъ» (Там же. Л. 604 б), следует понимать иносказательно, как обличение людей, находящихся во власти плотских страстей. В Слове о расслабленном слепота представляет собой душевную слепоту человека, а хромота – отсутствие веры. В Слове о слепце слепорожденный олицетворяет духовную слепоту человека до крещения и наступления времени действия Нового Завета, а крещение – его прозрение.

В Повесть о царе и его мудром советнике Кирилл вводит образ, отсутствующий в соответствующей проложной Притче – это гора с оружием «на противного дьявола», к которой мудрый советник приводит неразумного царя, гора олицетворяет собой монастырь, а оружие понимается в духовном плане – это пост, молитва, покаяние. Глубокая пещера в горе – монастырская церковь.

Приведенные выше примеры показывают, что толкования и образы у Кирилла всегда оригинальны, при этом явления видимого мира служат символами мира невидимого. В языковом отношении оппозиция духовного и плотского выражена часто отмечаемой у Кирилла парой субстантивированных прилагательных в форме мн. ч. ср. р. *внѣшняя и внутренняя*: «Свѣтлѣя внѣшнихъ внутренняя сияють» (Повесть); «Власть на всѣхъ внѣшнихъ» (Притча).

Используя творения своих византийских и южнославянских предшественников, писатель составлял оригинальные по богословско-философскому замыслу сочинения. Мастерски владея риторическим стилем, он создавал непревзойденные по художественным достоинствам в древнерусской книжности произведения.

Литература

1. *Виноградов В.П.* Уставные чтения. III // Очерки истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 97–178.
2. *Полянская (Гогина) И.В.* Кирилл Туровский: творец или компилятор?! // От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 90–103.
3. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. СПб., 1883. Т. 3. Ч. 4.
4. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.–Л., 1955. Т. 11. С. 342–367.
5. *Николова С.* Кирил Туровски и южнославянската книжнина // *Palaeobulgarica*, 1988. XII (2). С. 25–39.
6. *Сон Джонг Со.* Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (Проложная статья и Слово Кирилла Туровского //ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 396–398.
7. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».